
ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРАБИСТИКИ

Интервью с Владимиром Александровичем Исаевым

(Институт востоковедения РАН)

Притока молодежи нет — это главная проблема современной российской арабистики...

Регион Ближнего Востока и Северной Африки остается в эпицентре мировых политических процессов, привлекая внимания основных мировых держав. «Арабская весна» послужила сигналом для исследователей-арабистов в разных странах мира о необходимости пересмотра подходов к изучению Ближнего Востока и Северной Африки. Российский ученый Владимир Александрович Исаев считает главной проблемой современной арабистической школы в России отсутствие притока в ней новых лиц, что в долгосрочной перспективе неизбежно приведет к ее упадку, а значит, и к проблемам во внешней политике нашей страны на арабском направлении.

Владимир Александрович Исаев, академик Российской академии естественных наук (РАЕН), является одним из наиболее авторитетных ученых в российской арабистике. В 1971 г. он окончил Институт восточных языков при МГУ им. М.В. Ломоносова и с 1974 г. является научным сотрудником Института востоковедения РАН. В 1994—2009 гг. он занимал должность заместителя директора института.

В.А. Исаев является автором более 90 статей и 17 книг, его научные труды посвящены проблемам межарабского экономического сотрудничества и развития нефтяного комплекса государств арабского региона. В настоящее время Владимир Александрович — профессор кафедры международных экономических отношений стран Азии и Африки в ИСАА, где читает такие курсы, как «Узловые проблемы политики и экономики стран Азии и Африки», «Нефтегазовый комплекс стран Азии и Африки», «Финансы и кредит стран Азии и Африки» и другие.

— Владимир Александрович, спасибо за то, что согласились побеседовать с нами. Наш первый вопрос касается интереса к региону Ближнего Востока и Северной Африки в России. В чем заключается важность исследования арабских стран?

— Дело в том, что важность исследований в этой области подтверждается самой историей, потому что арабистика в России существует уже около двухсот лет. Географическое расположение — между Востоком и Западом — обуславливает наличие интересов нашей страны в этом регионе. Примечательно, что в России арабских рукописей хранится больше, чем даже в Саудовской Аравии: только в Институте восточных рукописей Академии наук в Санкт-Петербурге имеется

более 10 тысяч арабских рукописей, не говоря уже о таких хранилищах, как Российская государственная библиотека, Государственная публичная библиотека, Институт востоковедения и так далее. Таким образом, интерес России к странам Арабского Востока всегда был. Это и экономический интерес — он был и остается, и политический интерес, особенно в связи с теми событиями, которые происходят там сегодня. Эти события, совершенно очевидно, привлекают внимание не только западных государств, которые в свое время были для стран региона колониальными хозяевами, но и России. Причем у России имеется два явных преимущества перед ними: мы никогда не были колонизаторами и никогда не стреляли в арабов. Все великие державы этим занимались, а Россия, также являющаяся великой державой, никогда этого не делала. Поэтому я считаю, что с учетом также того, что сегодня у России и арабских стран имеются общие энергетические интересы, их взаимоотношения будут весьма продолжительными.

— *Что касается исследования региона и выделения его границ. Как известно, существуют различные подходы: Большой Ближний Восток, Ближний и Средний Восток и Северная Африка, имеются и другие. По вашему мнению, где проходят границы этого региона?*

— Следует отметить, что эти границы весьма условны. В каждой стране существует свой подход. Например, то, что мы называем Средним Востоком, в англоязычной литературе обозначается как Ближний Восток. В понятие Среднего Востока российская школа включает Иран, а американская и другие западные школы Иран, Турцию и Афганистан не включают. Поэтому это все очень условно. Американцы ввели термин Большого Ближнего Востока, в который включают также страны Центральной Азии, но для России эти страны представляют особый регион.

Фактически все зависит от самого исследователя, который, как правило, всегда уточняет, что имеется в виду под терминами, которые он использует. Скажем, у нас в ходу такое понятие, как страны Персидского залива. Действительно, в свое время залив был внутренним морем Персидской империи. Эта империя прекратила свое существование уже давно, однако англичане по-прежнему называют залив Персидским: в русском языке это — калька с английского. Однако арабы называют залив Арабским, так как здесь расположены, в основном, арабские государства. Поэтому, чтобы избежать протестов со стороны последних, в российской науке принято понятие «страны Залива», в которое включаются именно арабские монархии.

В российской арабистике под Ближним Востоком, как правило, подразумеваются «большой» Ближний Восток, но не в американском понимании: в «большой» Ближний Восток мы включаем все арабские страны, входящие в состав Лиги арабских государств, и Израиль. Когда же мы хотим отдельно выделить именно арабские государства, то есть без Израиля, мы так и говорим — Арабский Восток. Кроме того, у нас в ходу такие понятия, как «страны Магриба» и «страны Машрика» — типичная калька с арабского языка. В рамках этих понятий российская арабистика и оперирует, хотя иногда возникает некоторая путаница с терминами англоязычной арабистической школы.

— Существует мнение, что арабские страны следует рассматривать как некую региональную подсистему в глобальной международной системе. Насколько обоснованно, по-вашему, определение региона именно как подсистемы и правомерно ли говорить о его внутренней однородности?

— Есть такое понятие, которое очень часто встречается, особенно в прессе, — это понятие «арабский мир». Я не совсем согласен с этим понятием. Оно отражает существовавшие, особенно в постколониальный период, идеи, популярной среди самих арабов, о том, что арабские страны представляют собой нечто цельное, единое. И сегодня многие исламистские организации, в частности Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ), пропагандируют идею о том, что нет границ между арабскими государствами, что должно быть что-то вроде халифата. Но если говорить объективно, что сегодня объединяет арабов? Да, у большинства стран действительно общая история со времен халифата. Да, существует общий литературный арабский язык, который понимают все, хотя и не все могут на нем говорить. Да, есть еще один объединяющий фактор — религия, ислам. Вот три кита, на которых зиждятся понятия «арабский мир» и «арабское единство».

Однако если говорить о факторе наличия общей истории, то мы видим, что в результате арабских завоеваний границы халифата простирались очень широко. Постепенно, из-за очевидных сложностей управления этими огромными территориями, отдельные из них стали выделяться как самостоятельные, развивались самостоятельно: одни более успешно, другие менее. Затем многие из них попали под турецкое господство, а затем большинство — под западно-европейское колониальное владычество. И история каждой из арабских стран пошла по своему пути.

Если говорить об общем языке: его понимают, но на улицах на нем никто не разговаривает. Все говорят на своих диалектах, которые различаются по странам настолько, что иракец не поймет говорящего на своем диалекте алжирца, а египтянин не поймет говорящего на своем диалекте иракца. Поэтому существуют сиро-ливанский диалект, египетский диалект, иракско-кувейтский диалект, магрибинский диалект и так далее. Таким образом, общего языка также практически не существует.

Что касается общей религии: действительно, арабские государства объединены исламом. Однако существуют государства, в которых официальной религией является ваххабизм как, например, в Саудовской Аравии, или алавизм как в Сирии, или зейдизм как в султанате Оман. Не говоря уже о том, что существуют суннизм и шиизм, два основных направления в исламе. И противоречия между этими религиозными направлениями не могут не отражаться на отношениях между арабскими странами.

Поэтому, осознав эти противоречия, арабские страны стали переходить к формированию группировок. Наиболее удачной оказалась на сегодняшний день одна — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), что объясняется рядом факторов. Это страны с однотипной экономикой и, что очень важно, с однотипными режимами, которые часто связаны между собой также родственными узами. Не менее принципиальным является и то, что эти

страны договорились о том, какие цели они преследуют на международной арене. Хотя между ними также имеются противоречия и нерешенные пограничные вопросы, но тем не менее их стараются разрешать. Однако, если говорить о попытках других государств региона объединиться между собой, они по большому счету не удались. Были попытки создания общего рынка, федерации арабских республик, великого Магриба — это все ушло в прошлое. Другими словами, в арабском мире очень серьезный процесс дифференциации: каждая страна идет по своему пути.

Обращает на себя внимание то, что имеющиеся противоречия часто стали решаться силой оружия, и это несмотря на общую религию, на то, что в Коране четко сказано, что мусульманин не имеет права убивать мусульманина даже в целях самозащиты. Ислам также перестал играть роль объединяющего фактора. Ярким примером являются события, которые происходят сегодня в Ираке в связи с деятельностью ИГИЛ: массовые расстрелы приверженцев одного религиозного течения приверженцами другого — такого не было никогда.

Поэтому, если рассматривать арабские страны как региональную подсистему, нельзя сказать, что центроостремительные силы в регионе преобладают над центробежными. Наоборот, каждая страна очень четко придерживается своего пути, многие крупные страны видят себя лидерами арабского региона. Так, король Саудовской Аравии принял титул хранителя двух священных мечетей, и так как главные общеисламские святыни (Мекка, Медина) находятся на территории королевства, не говоря уже о саудовских нефтяных и золотовалютных запасах, то именно оно должно быть лидером арабских стран. Однако с этим не согласны другие государства региона, например Египет или Сирия, каждое из которых небезосновательно считает себя важнейшим игроком на Ближнем Востоке. Не менее значительную роль играет Алжир в субрегионе Магриба. Таким образом, существующие противоречия заставляют арабские страны формировать тактико-стратегические блокировки. Например, лидеры стран Залива осознали, что действовать самостоятельно на региональной и международной арене им будет сложно, поэтому лучше объединиться, чтобы противостоять какому-либо внешнему давлению.

Существует проблема, которая объединяет все арабские страны — это палестино-израильский конфликт. При каждом его обострении ярко проявляется посредническая роль Египта, которую признают в регионе: в этом проявляется его авторитет. Сирия, находящаяся в самой сердцевине конфликта, также является очень важным его участником, что не может быть оспорено. В недавние времена Ирак утверждал свою лидерскую роль наличием объективной военной силы, а Саудовская Аравия продолжает акцентировать внимание на том, что ее финансовое содействие играет ключевую роль.

Ненадолго договориться между собой претендующие на лидерство в регионе государства могут, особенно во времена кризисов: каждый раз, когда палестино-израильский конфликт перерастает в горячую фазу, арабский мир сплачивается. На этом фактически играет контролирующий сектор Газа ХАМАС, который про-

воцирует Израиль, чтобы получить поддержку со стороны арабских государств. Однако для последней такой провокации, начавшейся в июле 2014 г., ситуация в регионе сложилась не совсем удачная. Так, в Египте только что произошла смена режима, и новое руководство больше концентрируется на решении своих внутренних проблем. Саудовская Аравия больше озабочена опасностью, которая исходит сегодня со стороны Ирака, в частности от ИГИЛ, так как внутрииракский кризис может перерасти в суннитско-шиитское противостояние, которого Эр-Рияд очень опасается. Другие страны региона также сегодня отвлечены на другие, более насущные для них проблемы. Египет помнит недавний инцидент с убитыми пограничниками и не желает иметь каких-либо дел с ХАМАС. Саудовская Аравия также не намерена финансировать организацию «Братьев-мусульман», ответвлением которой является ХАМАС и появления которой на территории королевства крайне опасается Эр-Рияд: они еще не забыли инцидент с захваченной исламистами мечетью в Мекке.

— Владимир Александрович, вы упоминали ССАГПЗ как наиболее успешный пример межарабского сотрудничества, однако сегодня очевидны некоторые препятствия в процессе реализации планов по созданию военного и валютного союза. Кроме того, вызывающая политика Катара в регионе не способствует единению аравийских монархий. Следует ли рассматривать катарскую политику как дезинтегрирующий фактор?

— В момент создания ССАГПЗ ориентиром и моделью для аравийских монархий являлся Европейский союз, по этому пути они продолжают достаточно успешно развиваться: движение капитала и рабочей силы происходит, создаются совместные предприятия и так далее. Однако каждая из стран Совета сохраняет свою самостоятельную внешнюю политику — как и в Европейском союзе, но в Заливе странам между собой договориться сложнее в силу особенностей режима: монарх обладает абсолютной властью в своем государстве. Учитывая это обстоятельство, многие инициативы не удались.

Если говорить о Катаре, то прежний эмир начал проводить активную политику по повышению статуса своего государства, пытаясь продемонстрировать, что Катар является очень важным игроком, прежде всего на межарабской арене, а также на мировой. Катар сегодня — мировой лидер по показателю среднего ежегодного дохода на душу населения, который в 2012 г. составлял около 100 тыс. долл., а с учетом того, что коренное население эмирата составляет всего 15% от общего числа, то получается, что их ежегодный доход составляет около 200 тыс. долл. Конечно, большая часть этих средств поступает в государственный бюджет, однако совершенно очевидно, что сегодняшние события, например в Сирии, напрямую связаны с позицией Катара, который намеревался провести газопровод и через сирийскую территорию выйти на масштабные газовые рынки Турции и Европы. Однако Дамаск, как и его союзник Тегеран, был категорически против этих планов. Это стало одной из причин войны, во многом спровоцированной деньгами Катара. В ливийской войне также было заметно финансовое участие Дохи: тогда катарский эмир ответил на публичное оскорбление в его адрес со стороны ливийского лидера Каддафи.

Кроме того, Катар начал поддерживать организации, которые являются экстремистскими: ХАМАС в секторе Газа, «Братьев-мусульман» в Египте, некоторые группировки, связанные с Аль-Каидой, что вызвало недовольство Саудовской Аравии, которая опасается распространения влияния исламистов, в частности «Братьев мусульман», на свою территорию. В результате — отзыв посла. То же самое сделали и ОАЭ, а также Бахрейн: Катар оказался под угрозой изоляции, что во многом послужило причиной передачи власти эмира сыну, а это очень редко происходит в монархиях. Сын проводит более осторожную политику, изменилась и риторика катарского международного канала «Аль-Джазира». Катар понимает, что, даже оставаясь участником ССАГПЗ, в изоляции он не выживет.

— Вы упомянули, что в кризисные моменты своей истории арабские государства умели договариваться, несмотря ни на что. Если говорить об «арабской весне», она не стала моментом общеарабского единения?

— Наоборот, она стала моментом разъединения! «Арабская весна» отличалась рядом особенностей. Первой из них было то, что она стала неожиданностью для всех — и для Запада, и для самих арабских стран. Второй особенностью стало отсутствие лидеров среди оппозиционеров. И, наконец, третья особенность: ввиду того, что лидеров не было, революционное движение быстро возглавили исламистские группировки экстремистской направленности. Воспользовавшись ситуацией, в ряде стран исламисты пришли к власти. Однако вскоре выяснилось, что, помимо громких лозунгов о том, что «Ислам — это решение», они не способны более ни на что: в Египте это привело к их свержению. В Тунисе они фактически отдали управление страны в руки профессионалов, хотя формально представители «Братьев-мусульман» сохранили за собой некоторые должности. В Йемене исламистам также не удалось осуществить свои цели. Если говорить о том, что происходит сегодня в Ираке, то следует заметить, что едва ли Западу или самим арабам выгоден приход к власти исламистов ИГИЛ, которые будут заниматься экспортом радикальных исламистских идей.

«Арабская весна» усугубила проблему исламского экстремизма. Известный специалист в области правосудия, военных преступлений и преступлений против человечности Карла дель Понте в апреле этого года заявила о том, что на сегодняшний день существует свыше 700 экстремистских исламских организаций, каждая из которых преследует свои собственные цели. В Сирии и Ираке они начали стрелять друг в друга. Кроме того, они стараются выйти за пределы своих стран и дестабилизировать соседние. Сегодня многие эксперты, отечественные и зарубежные, говорят о том, что идет необъявленная третья мировая война против экстремизма. Вовлечено в нее большое количество людей, которые не понимают, во что их втягивают. Деятельность радикальных исламистов не может не отражаться на стабильности соответствующих стран.

Катар является одним из спонсоров исламского экстремизма, который используется, чтобы расшатать ситуацию в государствах, входящих в сферу интересов Дохи. Катарцы понимают, что сотрудничество, например, с Аль-Каидой или ИГИЛ невозможно, они представляют не меньшую угрозу для катарского

государства. Однако есть несколько факторов, обуславливающих финансирование Катаром исламистов. Во-первых, Доха старается реализовать свои интересы чужими руками. Во-вторых, катарское руководство таким образом отвлекает внимание экстремистов от своего государства. И, в-третьих, это, как я уже говорил, стремление продемонстрировать свое влияние, показать, что Катар — это серьезный игрок, с которым необходимо считаться. И это действительно так. Характерно, что Форум стран — экспортеров газа (ФСЭГ) со штаб-квартирой в Дохе во многом функционирует не так, как хотели бы экспортеры газа, именно потому, что главную роль в организации играет Катар, даже несмотря на то, что он не является лидером по газовым запасам.

— *В свете того, что вы уже сказали, как можно сформулировать основные и наиболее актуальные проблемы современного развития арабского региона?*

— Можно выделить несколько блоков наиболее серьезных проблем. Но, на мой взгляд, главной является борьба с исламским экстремизмом, потому что эта проблема расшатывает устои всего региона. Пока исламисты будут финансироваться и вооружаться, с ними будет идти борьба, которая подрывает стабильность всего региона, особенно тех стран, где действуют эти группировки.

Второй блок проблем связан с тем, что большинство арабских правительств стремится отвлечь внимание населения от внутренних проблем внешними. В частности, исламистские боевики на границах объявляются главной проблемой и формальной причиной ухудшающихся социально-экономических условий. С другой стороны, такая политика арабских лидеров во многом объясняет выживаемость этих экстремистских группировок, которые играют на недовольстве простых людей условиями жизни, внушая, что социально-экономические проблемы — это результат неправильной политики плохих правителей, и обещая справедливость в случае присоединения к исламистам. Подрыв режимов осуществляется не только посредством собственно вооруженной борьбы, но и различными социальными дотациями. Например, в Египте «Братья-мусульмане» строят больницы.

Еще одной ключевой проблемой является непроизводительное экономическое развитие. Арабские государства в совокупности располагают значительными природными и финансовыми ресурсами и человеческим капиталом, однако они до сих пор не могут выйти из группы стран «третьего мира». Экономика нефтяных арабских стран фактически функционирует на доходах от того, что они экспортируют, что они продают. Купить можно все что угодно, однако при отсутствии собственного производства и развития это тупиковый путь, и выйти из этого замкнутого круга пока ни одному государству не удалось. Причиной является то, что богатые арабские страны не занимаются производством технических кадров, предпочитая их закупать за рубежом. Это создает очень серьезные проблемы: у населения часто нет стимула, чтобы получать такого рода образование, потому что слишком хорош социальный пакет. В бедных странах, в свою очередь, у людей нет денег, чтобы получить хорошее образование. Во втором случае появляются вербовщики, которые говорят молодому человеку без работы и образования, что причина проблем — «неправильный» ислам и плохие власти, дают оружие и вы-

плачивают зарплату: отсюда идет подпитка экстремистских организаций. И эту связь необходимо прервать, для чего нужно развивать образование — профессионально-техническое, среднее, но не каждое государство может это сделать. В условиях всеобщей бедности правительство, начав направлять средства на подготовку профессиональных кадров, неизбежно столкнется с недовольством своего народа.

И здесь проявляется важность развития межарабских отношений: именно в таких ситуациях богатые арабские государства должны оказать материальную помощь тем странам, которые хотят вырваться из этого порочного круга нищеты, и предоставить средства не для закупки пропитания, но для развития образования и подготовки специалистов.

— Владимир Александрович, хотелось бы вернуться к тому, с чего мы начали нашу беседу — к состоянию российской арабистики. Как бы вы оценили уровень развития российской школы арабских исследований в сравнении с другими современными западными школами?

— Традиционно существовало несколько ведущих школ арабистики: английская, немецкая (на основе которой во многом развивалась наша) и российская, позже появилась американская. К сожалению, английская школа практически умерла. В свое время она обслуживала интересы Великобритании в этом регионе. В 1971 г. британцы заявили о своем уходе из стран к востоку от Суэца, и исследования начали затухать. Сегодня английская школа очень ослаблена. Высокое качество своих исследований до сегодняшнего дня сохраняет французская арабистическая школа, но ее главной проблемой является то, что она практически не занимается исследованиями современности. Например, очень авторитетный французский институт в области арабских исследований Экс-ан-Прованс последние 20 лет финансирует такие проекты, как изучение изменения границ Дамаска в XV—XVIII вв., а не исследование экономических и политических интересов Франции в этом регионе. У них явный перекоп в классическое востоковедение, без которого не может существовать современная арабистика, однако сегодня во французской арабистике очевиден дефицит тех, кто занимается современностью.

Российская школа арабистики понесла очень серьезные потери. В 1990-е гг. некоторые члены правительства считали связи с арабскими странами пережитком советского прошлого, в результате этого приток в арабистику был заметно уменьшен. Что касается современности, сегодняшний студент хочет работать в компании, которая непосредственно действует в арабских странах, однако таких компаний сегодня немного. К тому же арабские страны сегодня небезопасны, что также сокращает поток желающих заниматься изучением арабских стран. И если раньше самыми большими группами, в частности в ИСАА, были арабистические, то сегодня это китаеведы. И этот недостаток притока кадров очень ощущается. Безусловно, есть такие авторитетные арабисты, как академик Е.М. Примаков, директор Института Африки академик А.М. Васильев, директор Института востоковедения В.В. Наумкин. Можно назвать и некоторых других выдающихся ис-

следователей, но многим из них за 60 лет. Есть и такие серьезные специалисты, как И.О. Абрамова, Л.Л. Фитуни, И.Д. Звягельская, но это люди среднего возраста. Притока молодежи нет — вот это главная проблема современной российской арабистики.

Возникает и другая проблема: учитывая ту реформу, которую проводит Министерство образования и науки, научно-исследовательскую деятельность сегодня должно финансировать ФАНО. Очевидно, что ФАНО скорее будет поддерживать проекты, связанные с перспективами сотрудничества и соперничества российской и арабской энергетики, чем с исследованием, например, развития судебной системы средневекового Египта. Тем самым будут загублены медиэвистика, изучение искусства и быта, традиций и древности.

Американская школа арабистики, в основном, практическая, однако США активно финансируют и классические исследования, чему можно только позавидовать. В результате у них сложилась очень неплохая отечественная школа, которая развивается, в том числе и за счет привлечения кадров, в первую очередь арабов, работающих в различных академических и исследовательских институтах, при щедром финансировании из государственного бюджета или бюджетов университетов.

У нас этого нет, и скудный приток в арабистику постоянно мелеет. Немаловажным фактором является низкий уровень заработной платы в научных и исследовательских учреждениях. И это является очень важной проблемой для классической российской арабистики: без классики не будет и современности, а без собственной школы российские интересы в регионе будет очень сложно реализовывать.

— *Какие вы можете назвать основные центры подготовки кадров-арабистов в России?*

— Готовят кадры сегодня многие институты — и в Татарстане, и в Башкирии. В Москве — традиционные ИСАА, МГИМО, РУДН. Кроме того, кадры готовятся в аспирантурах академических институтов, например Института востоковедения, Института США и Канады, ИМЭМО. Также появился ряд частных центров и институтов. В Нижнем Новгороде сейчас неплохая школа, традиционно сильная школа арабистики в Санкт-Петербурге: там классическое востоковедение. Кроме того, начали изучать арабистику в Бурятии, появились центры в Калмыкии. На Северном Кавказе создан целый ряд центров по изучению арабского региона, и они многих своих студентов направляют в Москву и Санкт-Петербург.

Другими словами, подпитка идет, но она не доходит до высшего уровня. То есть эти студенты расходятся по организациям практического характера, где можно заработать реальные деньги. Тех, кто поступает в аспирантуру и становится преподавателями и исследователями, очень мало: заработная плата младшего научного сотрудника едва ли достигает уровня нижней планки среднего прожиточного минимума — это отпугивает людей. Совмещать аспирантуру и работу сложно, однако немало случаев поступления в аспирантуру только с целью получения научной степени, что является полезным для карьеры в той компании,

где человек решил работать. В результате блестящие аспиранты блестяще защищают свои кандидатские, публикуют блестящие монографии и исчезают с научного поля.

Племя арабистов пока не иссякло. Возьмите, скажем, специального представителя президента по Ближнему Востоку М.Л. Богданова или председателя Международного комитета Совета Федерации М.В. Маргелова. Интерес к Востоку и интерес к Арабскому Востоку сохраняется. Но подобно тому, как в свое время разлад между Москвой и Пекином привел к спаду в китаистике, так сегодня наблюдается заметный спад в арабистике. У нас с арабами очень много общего: у нас похожие структуры экономики. Поэтому лучше иметь эти страны в партнерствах, чем в противниках, чтобы вырабатывать общие подходы, потому что поодиночке очень сложно свои интересы отстаивать. Например, если бы организация ОПЕК, даже только арабские ее члены, поддерживала бы позицию России, то, я думаю, многого из того, что сейчас происходит, вроде санкций против нас, не было бы.

Пока добиться полноценного сотрудничества не удалось, так как во многом политические интересы наши и арабских стран расходятся. Будем надеяться, что получится наладить такое сотрудничество, тем более что над этим очень серьезно стали работать сегодня такие гиганты, как Лукойл, Татнефть и Росатом.

TRADITIONS OF RUSSIAN ARABIC STUDIES INTERVIEW WITH VLADIMIR ISAEV INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE

The Middle East and North Africa region remains the epicenter of world political processes, drawing attention of the main world powers. Thus, the Arab spring has become an important factor for social and political transformation of the region, and at the same time signaled the necessity for the experts in Arab studies to review the existing approaches in their research. Russian scholar Vladimir Aleksandrovich Isaev, in his turn, believes that the most urgent problem in Arabic studies in Russia today is the lack of inflow of younger experts, which will inevitably lead to its decay — and, consequently, cause problems for Russian policy in the region.

Key words: Middle East and North Africa, Arab studies in Russia, Arab spring.

Беседовала Татьяна Тюкаева